

То, что он сказал, было правильно, и оттого, что его слова были правильными, Линь Циню стало еще грустнее.

Он обнял себя за талию. Для мужчины эта талия слишком стройная и мягкая, чтобы вызывать жалость. При мысли о том, что завтра здесь жестоко оборвется жизнь, сердце Линь Цинъю заколотилось еще сильнее, слезы не могли остановиться. Они вытекали и капали между двумя тесно сомкнутыми губами.

Тело человека в ее объятиях дрожало, уголки рта переполнялись рыданиями и плачем, а слезы, капающие в рот, все еще имели теплый и соленый вкус. Сердце Чэн Цзя вдруг почувствовало огромную радость, и в то же время в нем пробудилось бесконечное Мужество, независимо от того, насколько сильными будут завтрашние пытки, он почувствовал, что сможет их выдержать.

Когда поцелуй уже почти задохнулся, Чэн Цзя отпустил Линь Цинъю и сел на травяную подстилку, прижимая к себе ее тело, такое мягкое от печали. Он взял ее руку и коснулся ее через воротник своей одежды, его глаза затуманились. С сильным желанием Чэн Цзя хрипло прошептал ее имя, глядя на нее с тоской и мольбой.

Янь Ци протянула руку, чтобы отгородиться от торопливо подошедшего Ин Тринадцатого, и смотрела, как тот сидит на коленях у Чэн Цзя, обхватив руками шею Чэн Цзя, и эти двое, поцеловавшись, снова тесно слились воедино.

Отступив на другой конец поворота, Янь Ци прошептала: "Добавь еще денег, мы не будем выводить людей, и попроси их дать еще немного времени".

Ин Шисань кивнула и молча пошла обратно.

Губы и языки двоих сплелись в неистовой и интенсивной манере. Чэн Цзя приподняла ягодицы, сняла с себя непристойные брюки, а затем развязала пояс его непристойных брюк. Затем брат позволил ее телу сесть прямо, и в тот момент, когда тела слились, из уголков плотно сплетенных ртов просочился тихий стон.

Рука Лин Цинъю заглянула в его свободный вырез, погладила нежную кожу и стройное тело, а затем крепко обняла его талию, заставив два тела тесно прижаться друг к другу. Сердце бьется вместе, пот течет вместе, как будто плоть и кровь обоих слились воедино, глубоко переплетены, душа полностью сливается в этот момент, как будто ты во мне и я в тебе. Движение, интенсивное сжатие в глубине тайного хода вызвали волны наслаждения сильнее волн. Казалось, что двое надолго устремились к облакам, окружились вместе и снова устремились в ослепительно высокое небо.

**** и чрезвычайно счастливый крик были заблокированы между плотно сжатыми губами и языком, только тело дрожало от удовольствия, а затем более сильная волна ** **, чувства нежелания и любви проходят через кожу, губы и язык, и чувства, наполняющие сердца и умы двух людей, снова взбираются на вершину.

Чэн Цзя только почувствовал, что никогда в жизни не был так счастлив и доволен, но он отпустил тело, которое вызывало у него ностальгию, прижался к ней и сказал: "Тебе пора."

"Чэн Цзя..." С неохотой в голосе Лин Цинъю впервые посмотрела на него со значением □□, отчего сердце Чэн Цзя сжалось, как будто он налил мед и надел на нее непристойные штаны. Мягко подтолкнув ее, он сказал: "Янь Ци, уведи ее".

"Чэн Цзя!" Как только у Линь Цинъюя выступили слезы, он был оглушен Янь Ци ножом и упал в объятия Янь Ци.

"Унеси ее, завтра пусть не видит". Глядя на Янь Ци, который был одет в черное, и даже его лицо было скрыто за черным шарфом, Чэн Цзя сказал с улыбкой на устах.

Янь Ци склонил голову и почтительно поклонился ему, затем подхватил человека и отвернулся.

Чэн Цзя нежно погладил теплый нефрит на своей груди, чтобы ты больше не забывал меня, даже если совсем немного, Цинъюй, в твоём сердце есть место для Цзя...

Бяньцзин на рубеже весны и лета - самая лучшая погода, легкий ветерок, теплое солнце, голубое небо, словно вымытое, несколько белых облаков плывут в голубом небе, меняя свои разнообразные формы.

Чэн Цзя попросила воды, чтобы освежиться рано утром, расчесала булочку, а затем надела белое длинное платье с длинными рукавами.

Когда Мэй Донхуа вошел во внутреннюю независимую камеру смерти, то среди мрачных и тусклых каменных стен увидел Чэн Цзя, который был в белых одеждах, элегантный и грациозный, похожий на бессмертного, и его лицо внезапно потемнело. Такой персонаж уникален в мире. Люди.

"А что, сегодня суперинтендант Четвертого принца?" Чэн Цзя спокойно улыбнулся, увидев Мэй Донхуа.

"Да." Мэй Донхуа могла сказать только это одно слово из тысячи слов. Чэн Цзя прямо заявил об этом в суде. Слово Чжу Синь разгневало императора Сивэня на месте, и даже Чэн Сян мог только отступить от болезни, кто бы посмел так поступить. Он умолял? Мэй Донхуа, услышав это, пришел в ярость. Как он мог быть таким непокорным придворным? Однако, внимательно изучив статью за эти два дня, я не мог не признать, что все сказанное Чэн Цзя - правда.

"Время?" Чэн Цзя посмотрел на небо за люком, затем расчесал свои длинные рукава и вышел за пределы камеры.

Кайшикоу Западного рынка - самое оживленное место, куда приходят и уходят люди. Сегодня в центре была построена платформа. Гильотина на платформе была холодной и ледяной. Окрестности были опустошены гвардейцами Императорской гвардии. На северной стороне была высокая платформа. На ней расположились чиновники, наблюдавшие за казнью.

Снаружи уже толпились люди. Бяньцзин опустел для тысяч людей.

Приходите посмотреть, как умирает Чэн Цзя, написавший такую шокирующую книгу из десяти тысяч слов. Многие из них одеты в костюмы студентов Тайсюэ.

Когда Чэн Цзя ступил на платформу казни, был уже почти полдень. Солнце светило прямо вниз, и ветер трепал его кудри. Его белые, как снег, одежды развевались. Когда он слегка

поднял глаза на солнце Тогда, когда его брови слегка изогнулись в улыбке радости, несравненная грация заставила окрестности замолчать, и больше не было никакого шума.

"Чэн Цзя, ты знаешь, что виновен!" Сидевший рядом с Четвертым принцем чиновник Министерства уголовных дел слегка кашлянул, сильно хлопнул молотком и закричал.

Чэн Цзя взглянул на него и с улыбкой сказал: "Почему Чэн Цзя виновен?".

"Вы взбунтовались, подставили и разорили суд, а говорили, что не виновны!" Чиновник посмотрел на четырех принцев, снова ударил молотком и крикнул.

"Чэн Цзя сказал, что все это ради общества страны, а я не понимал, что это неправильно". Чэн Цзя повернулся, обвел взглядом толпу, собравшуюся на сцене, и с решительной улыбкой сказал: "Чэн Цзяоу Фэн Тин Сюнь Читая стихи и книги, я полон решимости показать, чему я научился, отстаивать жизнь народа и создавать мир для всех веков. Но сейчас император ведет себя нелепо, диктует власть, накапливает богатство и грязь, так что народу негде стоять, а у мертвых нет черепицы, чтобы прикрыть лицо. Сильные пленники ждут, солдаты повсюду, не стремясь защитить врага, а саморазрушая Великую стену. Чэн Цзя учился 20 лет, к сожалению, помогая Цинь Чжэну, который не для народа, зачем народу нужен король, голос Чэнь и У все еще в моих ушах, тысячи миль Цзяншань, почему так. Чэн Цзя готов омыть мир жестоким ядом своей крови, почему это грешно?".

Студенты в зале громко зашумели, а чиновники Уголовного министерства побледнели, и он снова взглянул на Четвертого принца, не понимая этого, а затем крикнул: "Не шумите на месте казни, вы хотите совершить то же преступление, что и Чэн Цзя?".

Окружающие стражники обнажили мечи, и холодный свет заставил учеников бессознательно отступить на два шага назад, а затем они начали упираться, и сцена стала немного хаотичной.

Чэн Цзя слегка нахмурился. Если бы в этот раз все было хаотично, эти студенты не были бы довольны, и они не заметили бы шахматный ящик в толпе.

Прежде чем шахматный ящик пришел в движение, раздался протяжный рев, а затем хрустящий звук струн. После нескольких последовательных гудков пара охранников разделила толпу и открыла проход.

Одетая в белую простую ткань, с длинными волосами, беспорядочно закрученными за головой, усеянными пучком белых сломанных цветов, держа в руках гуцинь, женщина медленно шла по дороге.

Приблизившись к Синтай, стражники неосознанно положили нож перед ней. Женщина ткнула пальцем, подняла голову и громко сказала: "Его Королевское Высочество, Лин Цинъю восхищается мастером Чэном, и я пришла сюда, чтобы проводить его сегодня. Интересно, сможет ли Ваше Высочество сделать это удобно?"

Четыре принца посмотрели на Чэн Цзя, который парил на платформе казни, посмотрели на Лин Цинъю в белых одеждах и прошептали: "Отпустите ее, это хорошая история".

Медленно ступив на помост казни, Линь Цинъю поклонился Чэн Цзяшэню и передал ему гуцинь в руке. Слезы медленно стекали по уголкам его глаз, он сказал: "Сегодня ты умрешь за праведность, Цинъюй придет сюда, чтобы забрать труп для тебя. Надеюсь, сын сможет сыграть еще одну песню, чтобы утешить до конца жизни".

Чэн Цзя взял одной рукой гуцинь Чунлэй, другой вытер слезы со щек и прошептал: "Дурак.

" Затем он поднял угол своего халата, сел на пол, положил пианино ей на колени, погладил ее пальцем и указал на нее. Она слегка улыбнулась и сказала: "На эту песню Цзя давно хотел спросить у тебя ответ, теперь ты можешь ответить?".

Погладив палец, последовал чистый звук фортепиано, глядя на нее с улыбкой в глазах, голос Чэн Цзя был ни на кого не похож и запел, пение было долгим, с глубокой и **** привязанностью, следуя за звуком фортепиано Рассеялось вокруг.

Есть красивая женщина, которая никогда не забывает. Если ты не увидишь Кси за день, значит, ты сошел с ума от раздумий. Ветер вздымается, ища феникса со всех уголков мира. Беспомощной красавице нет места у восточной стены. Говори о Цине от имени сердца, и говори об этом. В какой день увидеть Сюй Си, утешь меня, чтобы я колебался. Желание соответствовать добродетели, рука об руку. Не летай, заставь меня погибнуть.

Звуки рояля неторопливы, пение чистое, Чэн Цзя глубоко улыбается. Когда звучит последняя нота, он поднимает голову и спрашивает: "Желаете?"

"Хорошо!" Линь Цинъюй кивает в ответ, протягивает ему руку с улыбкой в слезах и произносит: "Я согласен".

Положив Гуцинь, Чэн Цзя встала, поднесла руку к губам и поцеловала ее, затем крепко сжала, посмотрела на небо, дождалась, когда красочное лицо офицера уголовной полиции заговорит, и улыбнулась Линь Цинъюй: "Ка, иди первым Один шаг".

Выпустила руку и отступила на два шага. Не дожидаясь, пока двое слуг двинутся вперед, Чэн Цзя потянула рукой за веревку своей одежды, развязала пояс, и большая белая одежда соскользнула на землю, обнажив ее **** Верхняя часть тела вышла наружу, хотя тело было тонким, линии были прекрасны, а белая кожа ярко сияла на солнце, как тончайший белый нефрит из сута. От этой красоты все на некоторое время перестали дышать.

Подойдя к гильотине и аккуратно смахнув пыль на деревянной скамье, Чэн Цзя спокойно лег на деревянную скамью, наблюдая за прямыми солнечными лучами, Чэн Цзя слегка прищурил глаза, поднял руку к лезвию перед собой С щелчком маленького насекомого на нем, он посмотрел на силуэт насекомого, летящего на солнце, затем повернул голову, чтобы посмотреть на Лин Цинъюй, с улыбкой на уголке рта, и сказал палачу, который уже застыл: "Час настал, давай сделаем это".

Вокруг воцарилась тишина, а чиновники Уголовного Министерства растерянно смотрели на Четвертого Принца. Видя, что четвертый принц выглядит взволнованным и одержимым благодарностью, он кивнул слуге, который в панике оглянулся, и бросил жетон в его руку.

Его руки немного дрожали, и он снова посмотрел на Чэн Цзя. Чэн Цзя просто уставился на Линь Цинъюй с веселой улыбкой на лице и снова сказал: "Лом".

Длинное лезвие гильотины оставило след в солнечном свете, и кровь брызнула, окрашивая солнечный свет раннего лета в ярко-красный цвет.

Слуга посмотрел на человека, сидящего на деревянной скамье. Гильотина была разрезана по краю его собственных брюк, которые спускались к нижней части живота. Он получил деньги от других и получил королевский заказ. Он намеренно разрезал его под нижней частью живота.

Это должно было быть, чтобы услышать крики, увидеть, как сломанное от боли тело катится по грязному помосту казни.

Но тело только дрожало, а потом протянуло руку, белая женщина рванулась вверх и поймала его верхнюю часть тела, позволяя струе крови испачкать ее белую одежду.

"Ка! Чэн Цзя!" Линь Цинъюй обнял свое тело. Он и так был худым, а теперь весит еще меньше. Его стройная талия, которая мягче и красивее женской, была отрезана, а кишки вытекли. Кровь залила помост для казни.

Боль была слишком сильной. Чэн Цзя стиснул зубы и перекрыл крики.

Глядя на заплаканную Линь Цинъюй, он поднял руку и стряхнул слезы с ее лица, улыбнулся и сказал: "В следующей жизни... Цзя даст тебе... Фуцин заварить чай... хорошо?".

Линь Цинъюй уже плакала, кивнула и сказала: "Хорошо".

Поза, вырезанная гильотиной, не причиняла никому вреда и не заставляла людей умирать. Тело Чэн Цзя дрожало от боли, одна рука крепко вцепилась в одежду Линь Цинъюй, другая крепко закрывала руку Линь Цинъюй, из уголка его рта продолжала вытекать кровавая пена, а стиснутые зубы дрожали и тихонько журчали, но он сдерживал свои крики.

"Дайте ему быструю смерть!" крикнул кто-то снизу, и вокруг изначально безмолвного места казни поднялся шум, все больше и больше людей призывали поскорее освободить его.

"Заткнитесь! Кто опять виноват перед Чэн Цзя!" Четыре принца ревели со свирепым и возбужденным выражением лица. Это так красиво. Чэн Цзя выглядит так красиво. Как он может закончить такую прекрасную сцену раньше времени?

Со всех сторон стояла тишина, наблюдая, как мужчина, от которого осталась лишь половина тела, пытит в объятиях своей возлюбленной, шепчет, но крика не было.

"Цинъюй..." Ее тело уже онемело от боли, а лицо было бледным и без следов крови. Чэн Цзя посмотрела на Линь Цинъюй, изогнула брови, улыбнулась от радости и счастья и сказала: "Отведи меня в... Дворец Вечной Жизни... хорошо...".

Зал Долголетия, это то место, куда можно поместить человека, которого она любит больше всего, когда он знает это место, оно становится местом в его сердце.

"Хорошо!" Тело в его руках медленно перестало дрожать, Линь Цинъюй обнял его тело, полностью потерявшее кровь, опустил голову и поцеловал холодные губы, ответил низким голосом.

Прижавшись теплыми губами, такими нежными и вкрадчивыми, Чэн Цзя с легким вздохом произнес: "Цинъюй... я люблю тебя...".

Платформа для казни уже была запятнана кровью, и когда солнце по диагонали осветило безвременно ушедшего графа, рука мужчины упала, и больше не было никакого движения.

Раздался крик, за которым последовали все более и более громкие возгласы, когда первый ученик опустился на колени на землю, большая площадь вокруг хулы опустилась на колени, а

затем распространилась, как волна.

"Его Королевское Высочество!" Линь Цинъюй разжал бездыханные губы, посмотрел на четырех принцев на высокой платформе взволнованными глазами и громко сказал: "Пожалуйста, позвольте мне забрать тело Чэн Цзя!"

Четвертый принц был немного ошеломлен. Прежде чем он успел заговорить, Мэй Донхуа сказал рядом с ним: "Его Королевское Высочество, пожалуйста, разрешите ей".

К словам Мэй Донхуа четвертый принц все еще прислушивался, затем кивнул и сказал: "Хорошо, я думаю, что вы также очень ласковый человек, поэтому вам разрешено!".

С пустой длинной улицы группа из восьми человек в белых одеждах понесла гроб к платформе казни, тщательно упаковала тело Чэн Цзя и положила его в гроб.

Люди с обеих сторон отступили назад и позволили белой женщине, окрашенной в красный цвет, и гробу спокойно уйти, пока они не исчезли. Четвертый принц вздохнул: "Не знаю, чья это девушка? Такая ласковая и праведная?".

Мэй Донхуа молчала, ее рот был плотно закрыт. Чэн Цзя, который всегда боялся боли, мог быть таким героическим. Эта женщина не позволила ему влюбиться друг в друга. Сегодняшний ход, я боюсь, что она сама окажется в опасности. А как же я? Как же я, который всегда думал, что я за эту страну?

"Сломан! Цзюдин сломлен!" С диким криком толпа снова зашумела.

"Что сломано?"

"Цзюдин перед воротами Таймяо сломан! Надпись перед воротами Тайсюэ Юшитай тоже разорвана!"

"Царь невиновен, а небо не защищает!"

Команда отправилась прямо к особняку Дингуо.

Люди в главном дворе уже давно открыли гроб и положили тело Чэн Цзя в специальный ящик. Линь Цинъюй положил в рот ледяной нефрит и стал наблюдать. Его тело перестало превращаться в труп, а улыбка на его лице стала похожей на живую. Он поборол печаль в своем сердце, отступил назад и вышел из коробки.

"Тринадцатый, забирай команду, мы встретимся в Сянъяне". Янь Ци закрыл коробку и сказал тени "Тринадцать".

Бросив глубокий взгляд на Линь Циню, Ин Шисань прикусила губу, затем подняла коробку с тремя другими людьми и вывела двадцать человек из скрытого туннеля. На другой стороне туннеля был еще один дом, и там уже все было готово. Хорошие кареты и лошади, чемодан со всеми бумагами ждали там.

Как только Ин Шисань и остальные ушли, здешние люди положили подготовленный труп в гроб и поместили его в главный зал.

Слезы Линь Цинъюя уже высохли, а его глаза были полны красной ненависти. Он посмотрел в

сторону дворца и сказал низким голосом: "Чэн Цзя, ты точно не умрешь напрасно".

"Госпожа, поторопитесь! Студенты уже начали устраивать беспорядки, и теперь они все идут к воротам дворца, требуя уничтожения вероломных чиновников. Императорский двор отправил гвардейскую армию Юйлина!" Снаружи вбежал Цинь Кейс, одетый в простую одежду Юэбая. С тревогой он смотрел на дорогу.

"Дело Цинь?" Линь Цинъюй удивленно посмотрела на него. Когда она уходила, Чэн Цзя отдал ей кейс с книгами. Теперь он сопровождает его тело в Сяньян со всем усердием Чэн Цзя и Ин Тринадцатого. Другие Она всегда думала, что Чэн Цзя был отправлен обратно в особняк Чэна, но теперь она посмотрела на него, и после очередного размышления все поняла. Чэн Цзя произнес слова в суде, и десять тысяч слов снаружи начали распространяться.

Когда тюремщика купили, тюремщик также сказал, что другая группа людей что-то передавала Чэн Цзя, поэтому он уже сделал приготовления и использовал его жизнь как приманку, чтобы сделать все это.

"Мы подстрекали студентов Тай, а потом шахматное дело взбудоражит этих людей", - глаза Цинь Кейса снова стали красными, он все еще подавлял свои рыдания и сказал: "Сын сказал мне использовать это, чтобы усугубить ситуацию и разнести все по ветру. Уходи, госпожа, только уходи быстро".

Линь Цинъюй почувствовал острую боль. Чэн Цзя разбивал лодку. Его смерть вызвала студенческий бунт. Если он снова истечет кровью, когда студентов подавят, то у ученых всей страны, по крайней мере, возникнут сомнения. Эти князья не упустят такую возможность, в том числе и в будущем. Он поднял знамя и получил имя. Он без колебаний выложил свое сердце, чтобы проложить себе путь в будущее, но он никогда серьезно не разбирался со своими чувствами. Только тогда он понял, как сильно ошибался.

Как печально, Линь Цинъюй, что когда-то перед тобой были такие искренние чувства, но только для того, чтобы узнать, когда они были потеряны...

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2563544>